

УДК 94(470.47)

ТРАДИЦИИ БУДДИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КАЛМЫКИИ НАЧАЛА XX в.: ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЫСШЕЙ ДУХОВНОЙ ШКОЛЫ «ЦАНИТ-ЧОРЕ»

Лиджиева Ирина Владимировна

ФГБУН Федеральный исследовательский центр Южный научный центр

Российской академии наук,

Ростов-на-Дону, РФ

E-mail: irina-lg@yandex.ru

Аннотация

Предметом исследования настоящей статьи выступают опыт организации и специфика деятельности высшей духовной школы «Цанит-Чоре», располагавшейся в Малодербетовском улусе Калмыцкой степи в начале XX в. Основу источниковой базы работы составили ходатайства духовенства, рапорты улусных попечителей, делопроизводственная переписка властей всех уровней, ревизионные акты, уставные и программные материалы, выявленные в фондах Национального архива Республики Калмыкия. В статье охарактеризованы структура управления училищем, учебный план отделения богословия и тибетской медицины, дана динамика численности учащихся и проанализированы кадровые решения, обусловленные действующим административным надзором. Основной акцент в статье сделан на исследовании начального процесса учреждения «Цанит-Чоре», включая роль Агвана Доржиева, выбор локации, формирование материальной базы и источников финансирования. Особое внимание в исследовании уделяется рассмотрению такого острого и щепетильного вопроса, как существовавшие противоречия, связанные с включением русского языка в программу обучения высшей духовной школы, в частности, представлены и проанализированы аргументация властей, настаивавших на необходимости его введения в учебный план, принципиальная точка зрения буддийского духовенства, отстаивавшего традиционную модель подготовки священнослужителей. Подобная позиция буддийского духовенства, как нам представляется, отразила стремление национальной элиты и духовного сообщества Калмыцкой степи к сохранению религиозной идентичности. Предложение имперских властей включить в учебную программу буддийской школы изучение русского языка означало не что иное, как желание через изучение и знание инородцами языка, культуры государствообразующего народа добиться скорого достижения культурной и религиозной интеграции и унификации, а также укрепления единства народов многонациональной Российской империи. В заключение автор приходит к выводу о том, что, несмотря

на сложность проблемы, властям и буддийскому духовенству все же удалось прийти к приемлемому для обеих сторон консенсусу. В конечном итоге имевшиеся организационные, административные и иные сложности не помешали «Цанит-Чоре» начать свою работу: сформировать достаточный контингент учащихся калмыков из ближних улусов, в целом наладить учебный процесс и тем самым заложить основы системной подготовки буддийского духовенства в Калмыцкой степи. Проведенный нами анализ и показ сложного процесса организации и функционирования «Цанит-Чоре» в начале XX в. позволил наглядно представить специфику государственно-конфессиональных отношений той эпохи.

Ключевые слова

Калмыкия, Калмыцкая степь, «Цанит-Чоре», Агван Доржиев, Бааза-бакши Менкеджуев, Бадма Боваев, урочище Амта-Бургуста.

UDK 94(470.47)

TRADITIONS OF BUDDHIST EDUCATION IN KALMYKIA AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY: THE EXPERIENCE OF THE ORGANIZATION AND ACTIVITIES OF THE HIGHER SPIRITUAL SCHOOL “TSANIT-CHOR”

Lidzhieva Irina Vladimirovna

Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences
(SSC RAS), Rostov-on-Don, Russian Federation
E-mail: irina-lg@yandex.ru

Abstract

This article examines the organizational experience and operational specifics of the Tsanit-Chor Higher Theological School, located in the Maloderbetovskiy Uls (district) of the Kalmyk Steppe in the early 20th century. The primary sources for this study include petitions from clergy, reports from ulus trustees, administrative correspondence from authorities at all levels, audit reports, and statutory and program materials found in the collections of the National Archives of the Republic of Kalmykia. The article describes the school's administrative structure, the curriculum of the theology and Tibetan medicine departments, student population trends, and personnel decisions conditioned by administrative oversight. The article focuses on the initial stages of the establishment of Tsanit-Chor, including the role of Agvan Dorzhiev, the choice of location, the formation of the school's resources, and funding sources. The study devotes particular attention to the acute and sensitive issue of the existing contradictions surrounding the inclusion of the Russian language in the curriculum of higher theological schools. Specifically, it presents and analyzes the arguments of the authorities who insisted on its inclusion in the curriculum, as well as the fundamental position of the Buddhist clergy, who defended the traditional model of clerical training. This position of the Buddhist clergy, it appears, reflected the desire of the national elite and the spiritual community of the Kalmyk steppe to preserve their religious identity. The imperial authorities' proposal to include the study of Russian in the curriculum of the Buddhist school reflected nothing less than a desire to achieve rapid cultural and religious integration and unification, as well as to strengthen the unity of the peoples of the multinational Russian Empire, through the study and knowledge of the language and culture of the state-forming people. In conclusion, the author concludes that, despite the complexity of the issue, the authorities and the Buddhist clergy nevertheless managed to reach a mutually acceptable consensus. Ultimately, the

existing organizational, administrative, and other difficulties did not prevent Tsanit-Chor from beginning its work: it managed to recruit a sufficient number of Kalmyk students from nearby uluses (districts), establish a generally organized educational process, and thereby lay the foundation for the systematic training of Buddhist clergy in the Kalmyk steppe. Our analysis and presentation of the complex process of organizing and operating Tsanit-Chor in the early 20th century allowed us to clearly understand the specific nature of state-confessional relations of that era.

Key words

Kalmykia, Kalmyk steppe, Tsanit-Chor, Agvan Dorzhiev, Baaza-bakshi Menkedzhuev, Badma Bovaev, Amta-Burgusta tract.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования обусловлена возрастающим научным интересом к изучению механизма взаимодействия традиционных религиозных институтов и имперской администрации в начале XX в. в полиэтническом пространстве России, а также значимостью буддийского образования как фактора сохранения этнокультурной идентичности калмыков. Цель данной статьи состоит в реконструкции опыта организации и специфики деятельности высшей духовной школы «Цанит-Чоре» в Малодербетовском улусе Калмыцкой степи в 1907-1913 гг. через анализ институциональных, учебных и административных практик.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В качестве источниковой базы исследования выступил комплекс документов Национального архива Республики Калмыкия, включающий ходатайства буддийского духовенства, рапорты улусных попечителей, уставные и программные документы школы «Цанит-Чоре», ревизионные акты, списки учащихся и преподавателей, а также делопроизводственная переписка Управления калмыцким народом и Департамента духовных дел иностранных исповеданий.

В фондах Российского государственного архива кинофотодокументов и Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова нами выявлены фотографические снимки с изображением учащихся «Цанит-Чоре» и внешнего облика основного здания данного образовательного учреждения. Хотя фотографии датируются началом второй четверти XX в., что выходит за пределы хронологических рамок данного исследования, тем не менее, они опосредованным образом визуализируют повседневную жизнь воспитанников указанной духовной школы, представляют собой конкретный исторический этап жизни калмыцкого общества, служат ценным источником для реконструкции социокультурной среды Калмыцкой степи в начале XX столетия.

Использование в исследовании методов источниковедческого анализа и исторической критики, элементов системного анализа, позволило реконструировать институциональные практики и динамику государственно-конфессиональных отношений в царской России, раскрыть механизмы взаимодействия имперских властных структур и религиозных институтов, в частности, буддийских. Применение методологических принципов сравнительно-исторического и системного подходов, как нам представляется, значительно расширило возможности научного познания, в частности, дало возможность сформировать более глубокое, комплексное и объективное представление о развитии буддийского образования на территории Калмыцкой степи в дореволюционное время, в том числе выявить структурные и содержательные параметры существовавшей на тот период образовательной модели.

ОБСУЖДЕНИЕ

Тема буддийского образования в Калмыкии начала XX в. в отечественной историографии получила научное осмысление преимущественно в контексте

истории буддийской церкви. Проведенный нами анализ имеющихся на сегодня исторических работ позволяет выделить в них три основных направления исследований. Первое — работы, раскрывающие институциональный и социальный контекст буддийской общины с фокусом на структуру церкви, ее иерархию и систему подготовки духовенства (Басхаев, 2000; Дорджиева, 2001, 2010; Очирова, 2009). Второе — исследования, основанные на анализе взаимодействия государства и конфессии как фактора, определявшего устойчивость духовных институтов (Бадмаева, 2009; Когаева, 2011; Курапов, 2021). Третье — работы, освещающие смежные аспекты: это этнография, паломничество, повседневность духовенства (Бакаева, 2013; Омакаева, 1994; 2013; Орлова, 2021; Команджаев, Инджиева, Шиханов, 2023; Уланов, Бадмаев, Андреева, 2020).

РЕЗУЛЬТАТЫ

15 февраля 1907 г. буддийское духовенство Малодербетовского улуса официально обратилось к улусному попечителю с ходатайством об учреждении «новой школы Чори». Прошение подписали: старший бакша малодербетовских хурулов Убуши Музаев; гелюнг Сангак Чонкорлинг большого хурула Мучка Ланцынов; начальник Раши Гебелинг большого хурула Лавга Улюмджиев; гелюнг Галдан Шарвлинг большого хурула Джючна; начальник Раши Гебелинг большого хурула Санджа Джавалданов (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1367. Л. 15-16).

Авторы данного прошения обратили внимание на упадок религиозного образования в Калмыцкой степи, связанный, главным образом, с недостаточным вниманием к этому вопросу со стороны центральных властей России. В нем также сообщалось о встрече депутации калмыков с Далай-ламой XIII Тубдан Джамцо в 1905 г. в Монголии, на которой он выразил глубокую заинтересованность в продвижении буддийского образования в местах проживания российских калмыков. Непосредственно касаясь необходимости высшей буддийской школы в Калмыцкой степи, Верховный буддийский иерарх определенно высказался о том, что «буддисты без образования «Цанит-Чоре» не могут принести желаемую пользу своей стране и народу», и там же, во время аудиенции, даровал священное благословление на ее открытие (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1367. Л. 15).

Подготовка к открытию «новой школы Чоре» потребовала консолидации национальной и духовной элиты Калмыцкой степи, выработки единой позиции по выбору места дислокации духовного заведения, определения состава преподавателей, учащихся, учебных предметов и пр. К тому же, все эти важные вопросы необходимо было неотложно и быстро согласовать с центральными и губернскими властями и получить их поддержку. Неоценимую роль в этом сложном подготовительном процессе сыграл буддийский лама, выдающийся духовный, политический, культурный деятель России и Монголии Агван-Хамбо Дорджиев. Согласно документальным свидетельствам, он во время поездки по Калмыцкой степи «нашел удобным местом» для размещения духовного образовательного центра урочище «Амта-Бургуста», расположенное на возвышенности в северной части Малодербетовского улуса, относившегося к землям Абганеровых родов. Выбор месторас-

положения высшей буддийской школы, как отмечал С. А. Козин, был продиктован его топографическим сходством с расположением тибетских духовных школ (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1367. Л. 7).

Летом 1906 г. были проведены все подготовительные работы по формированию материальной базы высшей конфессиональной школы. В качестве учебного корпуса использовался деревянный дом площадью 254,93 м², который пожертвовал буддийской общине нойон Ц.-Д. Ц. Тундутов (рис. 1). Для проживания учителей и учеников возвели, по разным источникам, от 35 до 48 деревянных домиков-срубов, снаружи обмазанных глиной. Для обеспечения наставников и их подопечных жизненно необходимыми продуктами и товарами были построены пекарня и торговая лавка. Основным источником финансирования строительства стали средства, направленные Далай-ламой и Агван Доржиевым. Кроме того, деятельное участие в финансировании проекта приняли калмыцкие зайсанги Бова Кармыков и Шантаев. Существенным элементом поддержки и функционирования буддийского образовательного учреждения стало предоставление Ацагатским дацаном 108 томов «Ганджура» — ключевого свода буддийских учений, а также дар Далай-Ламы — 30 томов священных буддийских текстов, подчеркивающих значимость инициативы для сохранения духовной традиции (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1818. Л. 23).

Рис. 1. Здание «Цанит-Чоре» (НМ РК. КП — 946)

Осенью 1906 г., завершив подготовительный этап, духовные и светские лидеры — Хамбо-лама, нойон Ц.-Д. Ц. Тундутов, а также настоятели местных храмов — направили в Санкт-Петербург с целью обеспечения институционального оформления буддийской просветительской деятельности в Калмыкии ходатайство о легитимизации запускаемого учебного заведения. И уже 12 декабря Департамент

духовных дел иностранных исповеданий запросил у астраханского губернатора сведения о данной «школе для воспитания гелюнгов» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1367. Л. 2). Так, в делопроизводственной практике Управления калмыцким народом вновь появляется понятие «Цанид-Чоре», означающее высшее образовательное учреждение, ориентированное на изучение буддийской философии и религиозных практик. С 1904 г. должность малодербетовского улусного попечителя занимал вышеупомянутый С. А. Козин — выпускник факультета восточных языков Императорского Санкт-Петербургского университета, В марте 1907 г. данный чиновник под грифом «конфиденциально» докладывал в Управление калмыцким народом об инициативе малодербетовского духовенства. В его рапорте даются подробные сведения о процессе подготовки к началу работы «Чоре», характеризуются система обучения и финансовая составляющая буддийской школы. В том же донесении С.А. Козин также упоминает первую школу «Чоре» на урочище Нугра, основателем которой был настоятель Дунду хурула Малодербетовского улуса Бааза Менкеджуев, в 1891-1893 гг. совершивший паломническое путешествие в Тибет и более известный как автор произведения «Сказание о хождении в Тибетскую страну Малодербетовского База-бакши» (Сказание, 1897). В 1903 г. указанная школа, в связи со смертью Бааза-бакши, перестала существовать.

С. А. Козин, чиновник с востоковедным образованием, проанализировав имеющиеся материалы об образовательной деятельности новой школы «Чоре», расположенной на урочище «Амта-Бургуста», приходит к выводу, что в учебных программах отсутствуют какие-либо элементы, противоречащие официальной государственной политике либо выходящие за пределы школьного уровня знаний. Ключевым выводом в сделанном малодербетовским улусным попечителем анализе становится фиксация стремления калмыцкого общества к повышению «культурного уровня калмыцкого духовенства» как ценной инициативы, заслуживающей одобрения и поддержки со стороны российского государства.

2 апреля 1907 г. заведующий калмыцким народом, коллежский советник А. П. Иодковский, согласно сведениям, представленным С. А. Козиным, направил ответ на соответствующий запрос царского Департамента. В документ он внес существенные дополнения, главным образом касающиеся финансового обеспечения школы. А. П. Иодковский, ссылаясь на сложное социально-экономическое положение Калмыцкой степи и как следствие на наличие существенной задолженности населения по казенным и земским повинностям, высказал мнение о возможной организации добровольных пожертвований на нужды учебного заведения. Кроме того, чиновник, для понимания и выстраивания общих принципов функционирования высшей буддийской школы в Калмыцкой степи, запросил сведения о практике организации обучения у бурят Забайкальской области (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1367. Л. 2-3 об.).

Реакцию столичных властей в лице Министерства внутренних дел на ходатайство представителей светской и духовной элиты Калмыкии 25 мая 1907 г. в письме к астраханскому губернатору, генерал-лейтенанту И. Н. Соколовскому выразил товарищ министра внутренних дел, сенатор С. Е. Крыжановский. Данный чиновник акцентировал внимание на том, что устройство высшей духовной школы в Калмыцкой степи признается не только желательным, но и совершенно необходимым. При этом

он полностью поддержал предложения губернатора, во-первых, о введении в образовательную программу религиозной школы учебных часов по изучению русского языка и, во-вторых, об оплате расходов по ее содержанию за счет средств духовного ведомства калмыков. Одновременно им для рассмотрения и утверждения соответствующим правительственным Министерством были запрошены устав и программа новой школы «Чоре» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1818. Л. 1).

Активная практическая работа по составлению программных и уставных документов началась с приездом в Калмыцкую степь летом 1908 г. Агвана Дорджиева, с приглашением гелюнгов Убуши Музаева, Кору Шугульдикова и Цедена Шарапова (Бова Кармыков). Ими, при содействии попечителя северной части Малодербетовского улуса, титулярного советника С. А. Козина, были выработаны и переведены на русский язык 27 тезисов, послужившие канвой для дальнейшей регламентации учебно-хозяйственной части училища (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1818. Л. 34-36). Ключевой проблемой возникших разногласий между властью и калмыцким духовенством стал вопрос о включении русского языка в учебную программу школы. Представители духовенства привели три аргумента против преподавания русского языка, которые, однако, выглядели недостаточно убедительными. Во-первых, по их мнению, главной целью обучения являлось достижение состояния Будды. Во-вторых, они указывали на необходимость увеличения продолжительности образовательного процесса в данном учебном заведении — 18 лет. В-третьих, в качестве еще одного весомого аргумента называлось нежелание родителей-калмыков, отдававших детей на обучение (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1818. Л. 37). Тем не менее, 7 декабря 1907 г. проект устава и две программы буддийской школы Цанит-Чори-Сургули с поправками и дополнениями губернатора, который не допускал возможности, чтобы «будущие руководители духовенства за 18 лет изучения буддийского культа не удосужились ознакомиться с элементарной русской грамотой», были направлены на рассмотрение и утверждение в Санкт-Петербург (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1818. Л. 35).

20 января 1908 г. проект устава с редакционными исправлениями получил утверждение Министерства внутренних дел за подписью сенатора С. Е. Крыжановского. При этом этот чиновник, возвращая утвержденные документы в Астрахань, заметил, что Департамент духовных дел счел возможным использование данного утвержденного проекта, «если не встретится к тому местных препятствий», для организации второго буддийского училища на урочище Санзыр Икицохуровского улуса (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2670. Л. 1).

Характеризуя вышеупомянутый проект Устава, следует сказать, что документ располагает четкой иерархической структурой, включает в себя вводную часть и четыре основных раздела, в которых, в свою очередь, выделены два подраздела и 31 параграф. Во вводной части Устава отражен синтез традиционной буддийской образовательной модели и механизмов государственного регулирования. Так, образовательное духовное учреждение состояло в ведении Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел и подлежало надзору астраханского губернатора. Непосредственное руководство училищем осуществлял Лама калмыцкого народа и старший улусный бакша. Контингент учащихся в составе не более 150 чел. формировался преимущественно из воспитанников хурулов Малодербетовского улуса. Программа обучения охватывала 13 классов и дополнительно пять годичных повторительных курсов.

Раздел II «Управление училищем» состоял из двух подразделов: а) «Состав начальствующих и учителей» (§§ 9–20) и б) «Состав учащихся» (§§ 21–26). В первом подразделе определен административный аппарат, в который входили: директор (Чорян-Хамбо), инспектор-экзаменатор (шунлеви), надзиратель (гесгю), регент (унзут), казначей (шанзаб) и эконо́м (зама). Параграф 11 раздела регламентировал порядок избрания и утверждения указанных должностных лиц, а §§ 12–17 закрепляли их функциональные обязанности.

Во втором подразделе выделены три ключевых параметра приема в училище: возрастной ценз, образовательный уровень поступающих, пропорциональное представительство от действующих хурулов. Так, в училище могли поступать способные ученики, успешно прошедшие курс наук и выдержавшие при своем хуруле экзамен, до 10 учеников от каждого большого хурула и до 5 человек от каждого небольшого культового заведения.

Раздел III «Учебная часть» содержал описание учебного плана (§ 27), включая перечень предметов по классам, порядок промежуточной аттестации учащихся, а также положения об итоговой аттестации и присвоении ученых степеней.

Раздел IV «Хозяйственная часть» определял источники и объемы финансирования: ежегодные взносы хурулов (в общей сложности до 2 671 руб.; большие хурулы вносили по 214 руб., малые — по 107 руб.), пожертвование Хамбо Агвана Доржиева (5 000 руб.), а также доход от лавки и хлебопекарни (до 1 000 руб. в год) (НАРК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1818. Л. 39-41).

Таким образом, проект Устава религиозной школы представляет собой уникальный пример институционализации буддийского образования в условиях Российской империи, сочетающий традиционные религиозные практики с административным регулированием.

Рис. 2. Монахи одной из буддийских школ, 1928 г. (РГАКФД. 3-4441 ч/б)

27 июля 1908 г. С. А. Козин по запросу Управления калмыцким народом представил актуальный на 1 июля 1908 г. список должностных лиц буддийского вероисповедного училища «Цанит-Чори», которые были избраны постановлением Совета бакшей малодербетовских хурулов. Так, первоначальный административный аппарат училища составили: директор — лама Гусино-Озерского дацана Забайкальской области Агван-Хамбо Дорджиев; инспектор-экзаменатор — лама Асхадинского дацана Че-Нимбо Намдаков; регент — лама-пандито Хамбинского дацана Джемцо Цебеков; надзиратель — лама Асхадинского дацана Держап Джембаев; кандидат к старшему бакше и распорядитель дел «Чоре» — гелюнг Ики-Бухусова хурула Малодербетовского улуса Кару Шюгюльдыков; казначей — калмык Хапчинова рода Малодербетовского улуса Му-Кебюн Монцоков; эконо́м — калмык Барунова рода Малодербетовского улуса Бадма Далантаев (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1818. Л. 45). В числе лиц, не занимающих должности в школе, также значился преподаватель тибетского языка бурят Дорижап Жамбаев (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1818. Л. 84).

30 июня 1911 г. С. А. Козина в должности заведующего калмыцким народом сменил В. Е. Локтев, также выпускник факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета. Последний поставил перед губернатором И. Н. Соколовским вопрос об отстранении от должности директора Агвана Дорджиева. Основанием для этого стало распоряжение министра внутренних дел от 12 марта 1911 г. за № 236 о запрете его (Агвана Дорджиева. — И.Л.) въезда в Астраханскую губернию (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1818. Л. 84). Примечательно, что за годы службы С. А. Козина в должности заведующего калмыцким народом выявить каких-либо документов, связанных с ревизионными мероприятиями в отношении «Цанит-Чоре» не удалось, что, скорее всего, обуславливалось положительной риторикой властей в контексте расширения границ веротерпимости в соответствии с указом «Об укреплении начал веротерпимости» (Об укреплении, 1908). Но уже с конца 1911 г. в Калмыцкую степь стали поступать запросы от Управления калмыцким народом о деятельности училища, приведшие к ревизионным проверкам. Так, в январе 1912 г. В. Е. Локтев запросил сведения о состоянии училища и у Ламы калмыцкого народа, и попечителя Малодербетовского улуса, по четко обозначенным пунктам: а) о лицах, занимающих должности, предусмотренные § 10 Устава Чори с указанием звания, имени, фамилии и по каким документам они проживают; б) о числе учащихся; в) о сумме, расходуемой на их содержание; г) ведется ли при школе книга на записку прихода сумм, установленная § 10 устава, если ведется, то когда и кем таковая выдана; д) имеется ли с Вашей стороны какой-либо надзор за этим учебным заведением, если имеется, то в чем он выражается и е) выполняются ли в училище в точности все предусмотренные Уставом правила (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2670. Л. 1-3). Более того, 15 февраля 1912 г. уже Департамент духовных дел иностранных исповеданий запросил у губернатора соответствующую информацию по буддийским образовательным учреждениям Калмыцкой степи (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2670. Л. 7).

Управление калмыцким народом, в рамках исполнения запроса Министерства, направило улусным попечителям указание за подписью губернатора и заведующего, «помимо общего наблюдения» за деятельностью училищ, ежегодно подвергать ревизии денежные книги и не позднее 1 апреля представлять акты об их результатах.

Также было выдвинуто важное требование об осуществлении надзора за административным и педагогическим составом училищ. Лица, не имеющие разрешения на проживание в улусе, подлежали выселению за пределы Калмыцкой степи. (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2670. Л. 12-12 об.). Согласно данному условию, произошли последующие кадровые изменения, приведенные в таблице 3. В соответствии с распоряжением министра от 12 марта 1911 г. были проведены выборы директора училища, по итогам которых на эту должность избрали гелюнга Бадму Боваева. В ответ на сообщение Ламы калмыцкого народа об этом избрании губернатор И. Н. Соколовский 26 июля 1912 г. дал согласие на утверждение избранной кандидатуры в должности директора Цанит-Чоре (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1818. Л. 103).

По материалам ревизии в Малодербетовском Чоре, осуществленной в феврале 1912 г. помощником попечителя В. М. Овечкиным, численность учащихся училища составляла 120 человек, а «все учебное дело находится в руках местного уроженца гелюнга Бадма Боваева» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2670. Л. 13).

При этом надо сказать, что приведенная статистика по годам не соответствует указанной помощником попечителя В. М. Овечкиным численности учеников — погрешность по этому параметру составляла 10 человек. Далее указывается период обучения послушников в училище от восьми до одного года. Заметим, что датой открытия училища является 1908 г., и потому его история на момент осуществления проверки насчитывала всего неполных четыре года. Вероятно, в данном случае чиновник засчитал в стаж учебы в высшей духовной школе и годы обучения в небольших местных хурулах, что не совсем соответствовало цели проверки, так как объектом контроля выступало только училище «Цанит-Чоре».

Как следует из акта ревизии, составленного 10 мая 1913 г. В. М. Овечкиным, в учебном заведении действовали два отделения: богословия и тибетской медицины. На первом отделении обучалось 83 ученика, а на втором — 33 (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2670. Л. 115-115 об.). Более конкретные сведения по персональным данным учащихся представлены в акте обследования, проведенном в Цанит-Чоре в ноябре 1913 г. В. Е. Локтевым. В таблице 1 представлены имя и фамилия учащихся, откуда они родом, в каком году поступили и на каком отделении обучаются.

Таблица 1

**Список учащихся Цанит-Чоре Малодербетовского улуса
(НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2670. Л. 132-133)**

№	Имена и фамилии	Название улуса (откуда родом)	Отделение	Время поступления
1.	Легшид Бевгэнов	Малодербетовский	Герменевтика	1905 г.
2.	Нимэ Менке-Насунов	Маньчский	тоже	тоже
3.	Чемтиль Бадушов	Малодербетовский	тоже	тоже
4.	Босхомджи Убушиев	Маньчский	тоже	тоже
5.	Джимбе Санджиев	тоже	тоже	тоже
6.	Дарджа Батнасунов	Малодербетовский	Философское	1906 г.
7.	Галсан Эрендженев	Малодербетовский	тоже	тоже
8.	Сенгя Манджиев	Маньчский	тоже	1907 г.
9.	Джимбе Дорджиев	Маньчский	тоже	тоже
10.	Галдан Му Нохаев	тоже	тоже	тоже

11.	Игний Манджиев	тоже	тоже	тоже
12.	Цюрюм Англев	тоже	тоже	тоже
13.	Кириб Дорджиев	тоже	Догматика	1908 г.
14.	Чёриг Лариев	тоже	тоже	тоже
15.	Олядыков	тоже	тоже	тоже
16.	Эрдя Ходаев	тоже	тоже	тоже
17.	Инджи Тимашев	Донской области	тоже	тоже
18.	Цюрюм Санджиев	Маньчский	тоже	1910 г.
19.	Чинза Очиров	Малодербетовский	тоже	тоже
20.	Шириб Кекеев	тоже	тоже	тоже
21.	Дарма Санджиев	тоже	тоже	тоже
22.	Аруйинг Очиров	Маньчский	тоже	тоже
23.	Дамчя Чикиндаев	тоже	тоже	1910 г.
24.	Арабсал Санджиев	тоже	тоже	1909 г.
25.	Зунгру Нохашкиев	тоже	тоже	1910 г.
26.	Осор Боктинов	тоже	тоже	тоже
27.	Дандар Манцинов	тоже	тоже	1909 г.
28.	Чемпиль Батыров	тоже	тоже	тоже
29.	Ариш Аников	тоже	тоже	тоже
30.	Дочин Маштаев	Маньчский	тоже	1911 г.
31.	Самтан Гилгиров	Малодербетовский	Богословское	тоже
32.	Гаванг Ариш Ольдеев	Маньчский	тоже	1909 г.
33.	Цанлык Санджиев	тоже	тоже	тоже
34.	Довдон Музаев	Малодербетовский	тоже	тоже
35.	Галсан Манджиков	Маньчский	тоже	тоже
36.	Кириб Манджиев	тоже	тоже	1910 г.
37.	Чодер Донхянов	Малодербетовский	тоже	1911 г.
38.	Занря Сарангов	Маньчского улуса	тоже	1910 г.
39.	Довджи Карвинов	Большедербетовский	тоже	тоже
40.	Габаджи Шашыков	Малодербетовский	тоже	тоже
41.	Дарджа Чонов	тоже	тоже	1909 г.
42.	Дансрын Сарлов	тоже	тоже	1911 г.
43.	Цюрюм Човликов	Маньчский	тоже	тоже
44.	Джачин Лиджиев	тоже	тоже	1910 г.
45.	Санджи Додлинов	тоже	тоже	тоже
46.	Дорджи Сасранов	Багацохуровский	тоже	1911 г.
47.	Атарык Улюмджиев	тоже	тоже	тоже
48.	Дямпиль Лиджиев	Маньчский	тоже	1910 г.
49.	Цюрюм Убушиев	тоже	тоже	1911 г.
50.	Тевдин Балдыров	тоже	тоже	тоже
51.	Цюрюм Манджиев	Малодербетовский	тоже	1910 г.
52.	Цюрюм Манджиев	Маньчский	тоже	тоже
53.	Арагва Антонов	тоже	Астрономия	1909 г.
54.	Чюмчиг Нохаев	Малодербетовский	тоже	1907 г.
55.	Болвя Джапов	тоже	тоже	1907 г.
56.	Джимбе Далантаев	Маньчский	Медицинское	1912 г.
57.	Джамца Оргодык.	Малодербетовский	тоже	1907 г.
58.	Джимбе Дорджиев	Маньчский	тоже	тоже
59.	Кюря Барангов	Малодербетовский	тоже	тоже
60.	Молом Босхомд.	Малодербетовский	тоже	1908 г.
61.	Чемпиль Чаглаев	Малодербетовский	тоже	тоже
62.	Галдан Олядыков	тоже	тоже	тоже
63.	Шагдуш Санджиев	Маньчский	Медицинское	1908 г.

64.	Джамцо Кирипов	тоже	тоже	тоже
65.	Игин Дорджиев	тоже	тоже	1910 г.
66.	Эрдя Бодраев	тоже	тоже	1909 г.
67.	Джимбэ Кекеев	Малодербетовский	тоже	тоже
68.	Цецег Борлыков	Маньчский	тоже	тоже
69.	Самтанг Хулхачиев	Малодербетовский	тоже	тоже
70.	Чанжур Му-Нохасев	Маньчский	тоже	тоже
71.	Зунгру Убушанов	Малодербетовский	Подготовительный курс	1913 г.
72.	Тавка Боваев	тоже	тоже	тоже
73.	Лузанг Шарасев	тоже	Медицинское	1912 г.
74.	Балзан Дорджиев	Маньчский	Медицинское	1911 г.
75.	Арахва Балдырев	Икицохуровский	тоже	тоже
76.	Джамбиль Нохасев	Малодербетовский	тоже	1911 г.
77.	Зодба Уту-Насунов	тоже	тоже	тоже
78.	Лузанг Уту-Насунов	тоже	Подготовительный курс	1913 г.
79.	Шараб Санджиев	тоже	тоже	тоже
80.	Навид Джамбинов	тоже	тоже	тоже
81.	Чемпиль Балгышев	тоже	тоже	тоже
82.	Джимбе Санджиев	тоже	тоже	тоже
83.	Джимбе Шахинов	тоже	тоже	тоже
84.	Аравджа Санджиев	Маньчский	тоже	тоже
85.	Бурата Федоров	тоже	тоже	1912 г.
86.	Санджи Чоносов	тоже	Медицинское	1911 г.
87.	Шириб Дорджиев	тоже	тоже	тоже
88.	Тавка Могаев	Багацохуровский	Подготовительный курс	1912 г.
89.	Самтан Шашлинов	тоже	тоже	тоже
90.	Цюрюм Эрднинов	тоже	тоже	тоже
91.	Сангаджи Эрднинов	тоже	тоже	тоже

Согласно сведениям, к концу 1913 г. контингент училища Малодербетовского улуса составил 91 учащийся. По месту проживания они являлись выходцами из следующих административно-территориальных единиц: Маньчский улус — 48 человек, Малодербетовский улус — 34 человека, Багацохуровский улус — 6 человек; по одному учащемуся представляли Большедербетовский и Икицохуровский улусы, а также Область войска Донского.

В период с 1905 по 1913 г. динамика численности поступающих в училище отличалась нестабильностью. Показатели по годам составили: 1905 г. — 5 чел., 1906 г. — 2 чел., 1907 г. — 10 чел., 1908 г. — 10 чел., 1909 г. — 15 чел., 1910 г. — 18 чел., 1911 г. — 15 чел., 1912 г. — 7 чел., 1913 г. — 9 чел.

Сведения о преподавательском составе буддийского вероисповедного училища «Цанит-Чоре» на 10 февраля 1913 г., составленные попечителем Малодербетовского улуса, представлены в табл. 2.

Таблица 2

**Преподавательский состав училища «Цанит-Чори» Малодербетовского улуса
(НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2670. Л. 80-81)**

№	Имя, фамилия	Откуда родом	Уровень образования	Где получено образование
1.	Бадма Боваев	Маньчский улус	ЛХА-РАМБО	Монастырь «Брай-Бун» (Тибет)
2.	Наван Бинцык	Тибет, область Кам	ГАБДЖИ	Монастырь Галдан (Тибет)

3.	Лекшид Бевгеев	Талтанкинов род Малодербетовского улуса	ГЕВШИ	«Чори» Малодербетовский улус
4.	Лупсан Дорджи	Монголия	ДО-РАМБО	Монастырь «Брай-Бун» (Тибет)
5.	Чонджур Аюшиев	Забайкальская область Верхне-Удинский уезд	АГРАМБО	Монастырь «Брай-Бун» (Тибет)
6.	Джимбе Долонтаев	Маньчжурский улус	МАО-РАМБО	«Чори» Малодербетовский улус
7.	Джимбе Дорджиев			
8.	Донцык Ордадыков			
9.	Кюра Баранов			

Администрация и преподаватели Чоре постоянно подвергались персональной проверке: последующие кадровые изменения в аппарате училища в большинстве случаев были обусловлены необходимостью замены лиц, проживавших на территории Калмыцкой степи без соответствующего на то разрешения, или по «личным обстоятельствам».

Таблица 3

**Изменения состава административного аппарата «Цанит-Чоре»
в период с 1908 по 1913 гг.**

№	Название должности	На 1 июля 1908 г. (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1818. Л. 45)	На 1 мая 1912 г. (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2670. Л. 27-29)	На 13-17 ноября 1913 г. (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2670. Л. 136)
1.	Директор	Агван-Хамбо Дорджиев	Бадма Боваев	Бадма Боваев
2.	Инспектор-экзаменатор	лама Асхадинского (Ацагатского) дацана Че-Нимбо Намдаков	бурят Забайкальской области лхарамба Джамьян Эрдэниев	тибетский поданный, габджи Гаван Содмон
3.	Надзиратель	лама Асхадинского дацана Держап Джамбаев	гецюль XIII Раши- Гомон малого хурула Туджи Бебеев	калмык Малодербетовского улуса Лекшит Бевчеев
4.	Регент	лама-пандит Хамбинского дацана Джамцо Цебеков	манджик XIII Раши- Гомон малого хурула Хулхачи Музраев	калмык Малодербетовского улуса Чинде Музраев
5.	Казначей	калмык Хапчинова рода Малодербетовского улуса Му-Кебюн Монцоков	бурят Худайской волости Чонжур Аюшиев	калмык Малодербетовского улуса Бова Гадыров
6.	Эконом	калмык Барунова рода Малодербетовского улуса Бадма Далантаев	зайсанг Большедербетовского улуса Овше Мучкинов Норзунов	калмык Маньчжурского улуса Лиджи Евеев

Как следует из данной таблицы, бурятский монах Агван Дорджиев на 1 июля 1908 г. состоял в должности директора училища, а уже на 1 мая 1912 г. руководителем учебного заведения числился калмыцкий священник Бован Бадма. О причине снятия А. Дорджиева с занимаемой должности мы уже говорили выше, и связана она была с запретом властей на его посещение Калмыцкой степи. Агван Дорджиев,

несмотря на уход с должности директора училища и нахождение под негласным наблюдением чинов улусной администрации, 13 мая 1913 г. посетил Калмыцкую степь. По приезду он совершил ритуальное богослужение, прочитав молитвы над усопшей княгиней Бальджир Дугаровой (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2670. Л. 125-125 об.). О Бальджир Дугаровой известно, что родилась она в 1872 г., после смерти своего супруга Церен-Убуши Дугарова, владельца Харахусо-Эрдениевского улуса, переехала на постоянное место жительства к своему племяннику Ц.-Д. Ц. Тундутову в Малодербетовский улус. Вполне естественно, что Агван Доржиев, как ярый сторонник продвижения буддийского образования в Калмыцкую степь и патриот этой религиозной веры, не мог не посетить недалеко находящийся «Цанит-Чоре», к открытию которого он приложил немало сил и средств, и судьба школы не была ему безразлична. К удовольствию его учебное заведение продолжало развиваться и функционировать, он тепло был принят учителями и учениками: священнослужитель принял экзамен у учеников, обсудил в кругу преподавателей вопрос об актуальности включения преподавания русского языка в учебную программу (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2670. Л. 120-121).

Заменивший Агвана Дорджиева на посту директора «Цанит-Чоре» Бован Бадма, по данным попечителя Малодербетовского улуса от 10 февраля 1913 г., «уроженец Манычского улуса, образование получил в тибетском монастыре «Брай-Бун», имеет степень лхарамба» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2670. Л. 80). На вышеуказанной должности этот выдающийся религиозный просветитель и культурный деятель проработал с 1911 до осени 1917 гг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, высшая духовная школа «Цанит-Чори», учрежденная в начале XX в. в Калмыкии при поддержке буддийских иерархов и местной элиты, стала значимой попыткой институционализировать традиционное буддийское образование в условиях Российской империи. Устав училища являл собой синтез религиозных практик и механизмов государственного надзора, а учебный процесс, охватывавший философию и тибетскую медицину, опирался в основном на тибетские образовательные модели при одновременном давлении властей включить в программу изучение русского языка. Несмотря на административные сложности, кадровые перестановки и ревизионные процедуры, школа сумела сформировать контингент учащихся из степных улусов и заложить основы системной подготовки духовенства, отразив тем самым и стремление калмыцкого общества к сохранению религиозной идентичности, и специфику государственно-конфессиональных отношений той эпохи.

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена при финансовой поддержке Фонда содействия буддийскому образованию и исследованиям — грант «Академия Чойра: вековые традиции буддийского образования в калмыцкой степи XIX — начала XX века» (Договор №42 от 25.05.2026 г.)

ACKNOWLEDGEMENTS AND FUNDING

The work was supported by the Foundation for the Promotion of Buddhist Education and Research — grant «Choyra Academy: Age-old Traditions of Buddhist Education in the Kalmyk Steppe of the 19th — Early 20th Centuries» (Agreement No. 42 dated May 25, 2026).

Литература

Бадмаева, Е. Н. (2009). Религиозная политика советского государства в период НЭПа: на примере Калмыцкой автономной области. *Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика*. 1(56). 9. 107–113.

Бакаева, Э. П. (2013) Об этнических группах калмыков и буддийских хурулах Малодербетовского улуса Калмыцкой степи Астраханской губернии в конце XIX в. *Вестник Бурятского научного центра СО РАН*. 2. 91–112.

Басхаев, А. Н. (2000). *Буддийская церковь в Калмыкии: 1900-1943 гг.* Элиста: «Джангар».

Дорджиева, Г. Ш. (2001). *Буддийская церковь Калмыкии в конце XIX — первой половине XX в.* М.: Институт российской истории РАН.

Дорджиева, Г. Ш. (2010). Высшие конфессиональные буддийские школы Цанит-Чоре в Калмыкии. *Буддизм России*. 11. 43. 114–124.

Когаева, Н. М. (2011). Политика российского правительства по отношению к буддийской церкви в Калмыкии в начале XX в. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 4(29). 361–365.

Команджаев, А. Н., Инджиева, Б. М., Шиханов, Н. А. (2023). Из жизни калмыцкого духовенства в конце XIX–начале XX в. *Каспийский регион: политика, экономика и культура*. 4 (77). 60–71.

Курапов, А. А. (2021). *Российское государство и буддийская церковь на юге России: этапы эволюции социально-политического взаимодействия в XVII — начале XX в.* Элиста: КалмНЦ РАН.

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).

Национальный музей Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова (НМРК).

Об укреплении начал веротерпимости (1908). *Полное собрание законов Российской империи* — 3. XXIV. 1. 26125. СПб.: типография II Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 257–258.

Омакаева, Э.У. (1994) Агван Доржиев и калмыцкие паломники. *Национальная интеллигенция и духовенство: истоки и современность: Материалы республиканской научной конференции*. Улан-Удэ: Б.и. 127–128.

Омакаева, Э. У. (2013). Феномен личности Бааза-багши и его паломничество в Тибет в буддийском культурном и топонимическом пространстве. *Бааза-багши и его духовное наследие*. Элиста: НПП «Джангар». 21–32.

Орлова, К. В. (2021). «Буддизм захватывает сердца, зажигает души ...». *Mongolica*. XXIV. 2. 42–44.

Очирова, Б. В. (2009). Из истории высших буддийских философских академий «Чойра» в Калмыкии в первой трети XX в. *Вестник Бурятского государственного университета*. 8. 48–55.

Российский государственный архив кинофотодокументов (РГАКФД)

Сказание о хождении в Тибетскую страну Мало-дорботского База-бакии / издание факультета восточных языков Императорского С.-Петербургского университета ко дню открытия XI Междуна-

родного съезда ориенталистов в Париже; калмыцкий текст, с переводом и примечаниями, составленными А. Позднеевым (1897). Санкт-Петербург: Тип. Имп. акад. наук.

Уланов, М. С., Бадмаев, В. Н., Андреева, А. А. (2020). Феномен буддийского паломничества в истории и культуре калмыков. *Былые годы*. 56. 2. 398–406.

References

Badmaeva, E. N. (2009). Religious policy of the Soviet state during the NEP period: an example of the Kalmyk Autonomous Region. *Scientific bulletin of BelSU. Ser. History. Political science. Economy. Computer science*. 1(56). 9. 107–113 (in Russian).

Bakayeva, E. P. (2013). On ethnic groups of Kalmyks and Buddhist khuruls of the Maloderbetovsky ulus of the Kalmyk steppe of the Astrakhan province at the end of the 19th century. *Bulletin of the Buryat Scientific Center SB RAS*. 2. 91–112 (in Russian).

Baskhaev, A. N. (2000). *The Buddhist Church in Kalmykia: 1900-1943* Elista: “Dzhangar” (in Russian).

Dordjueva, G. S. (2001). *The Buddhist Church of Kalmykia in the late 19th — first half of the 20th century*. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Dordjueva, G. S. (2010). Higher confessional Buddhist schools of Tsanit-Chore in Kalmykia. *The Buddhism of Russia*. 11. 43. 114–124 (in Russian).

Kogaeva, N. M. (2011). The policy of the Russian government towards the Buddhist Church in Kalmykia in the early 20th century. *The Caspian region: politics, economy, culture*. 4(29). 361–365 (in Russian).

Komandzhaev, A. N., Indzhieva, B. M., Shikhanov, N. A. (2023). From the life of the Kalmyk clergy in the late 19th and early 20th centuries. *The Caspian region: Politics, Economics and Culture*. 4 (77). 60–71 (in Russian).

Kurapov, A. A. (2021). *The Russian State and the Buddhist Church in Southern Russia: the stages of the evolution of socio-political interaction in the XVII — early XX century*. Elista: KalmSC RAS (in Russian).

The National Archive of the Republic of Kalmykia (NA RK).

National Museum of the Republic of Kalmykia named after. N. N. Palmova (NM RK)

On strengthening the principles of religious tolerance (1908). *Complete Collection of laws of the Russian Empire* — 3. XXIV. 1. 26125. St. Petersburg: printing House of His Imperial Majesty’s Own II Chancellery. 257–258 (in Russian).

Omakaeva, E. U. (1994). Agvan Dorzhiev i kalmytskie palomniki [Aghvan Dorzhiev and Kalmyk pilgrims]. *Natsional’naya intelligentsiya i dukhovenstvo: istoki i sovremennost’: mat. resp. nauch. konf. Ulan-Ude*. Pp. 127–128. (in Russian).

Omakaeva, E. U. (2013). The Phenomenon of the Personality of Baaza-Bagshi and His Pilgrimage to Tibet in the Buddhist Cultural and Toponymic Space. *Baaza-Bagshi and His Spiritual Heritage*. Elista: NPP “Dzhangar”. 21–32 (in Russian).

Orlova, K. V. (2021). “Buddhism captures hearts, ignites souls...”. *Mongolica*. XXIV. 2. 42-44 (in Russian).

Ochirova, B. V. (2009). From the history of the Choira Higher Buddhist Philosophical Academies in Kalmykia in the first third of the 20th century. *Bulletin of the Buryat State University*. 8. 48–55 (in Russian).

Russian State Archive of Film and Photo Documents (RSAFFD)

The legend of the Little Dorbot Baza-bakshi’s Journey to the Tibetan Country / edition of the Faculty of Oriental Languages of the Imperial St. Petersburg University on the opening day of the XI International

Congress of Orientalists in Paris; Kalmyk text, with translation and notes compiled by A. Pozdneev (1897). Saint Petersburg: Tip.: Imp. akad. nauk (in Russian).

Ulanov, M. S., Badmaev, V. N., Andreeva, A. A. (2020). The phenomenon of Buddhist pilgrimage in the history and culture of the Kalmyks. *Bylye Gody*. 56. 2. 398–406 (in Russian).